Татьяна Олейникова

АДВОКАТ ГОРОШЕК

Фрагмент повести

ВТОРОЕ ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Фото Павла Кривцова

ЛЕТО ПРИШЛО

Кружевная старинная занавеска чуть вздрогнула и, хлебнув глоток лёгкого утреннего воздуха, рванулась из окна вслед за ветром. Занавеска гулко трепетала в небе и отчаянно хлестала ветер почти над самой крышей. Она всплеснула несколько раз своим тяжёлым прозрачным крылом и сбросила во двор цветочный горшок с маленькой, только что проклюнувшейся фиалкой.

Дом крепко держал занавеску, он не хотел отпустить её на волю. Она долго сопротивлялась, она била по стене дома крыльями и натужно рвала петли, держащие её крепкое нитяное тело, но, подчиняясь даже не дому, а нахальному сквозняку, стремительно влетела назад в комнату и печально опустила свои крылья над широким подоконником. Она обвисла, обречённо и долго ещё вздрагивала от продолжительного и неслышного плача. Но никто не обращал на неё внимания. Все жалели разбившийся горшок с фиалкой, что не успела пожить на белом свете подоконника.

Девочка выбежала из дома, чтобы спасти свой любимый цветок. Она увидела разбитый горшок, комок земли и кустик зелёных круглых листиков. Она перебирала землю и листики руками, но фиалки там не было. Девочка вернулась в дом и подошла к занавеске, она крепко и больно вцепилась в её кружевное крыло, как за ухо напроказившего щенка. На крыле занавески отпечатались её грязные ладошки.

Но маленькая фиалка, сжавшаяся от испуга в тугой кулачок, слетев с подоконника, упала на землю и осталась жива. Это её глиняный домик рассыпался на мелкие кусочки. Фиалка отряхнула с себя комочки земли, открыла сначала один глазок, потом другой и огляделась по сторонам.

На траве, под самым домом, жила семья ромашек, куст шиповника и совсем ещё молодой лягушонок. Все с удивлением посмотрели на слетевшую к ним с неба гостью.

На ветку шиповника села красивая бабочка «Павлиний глаз». Она то раскрывала свои чудные крылышки, то снова закрывала их. Это бабочка аплодировала неожиданному появлению фиолетовой гостьи. А потом бабочка вспорхнула и стала кружиться над фиалкой, приглашая её с собой. Фиалка расправила свои лепестки и сначала тихо, а потом всё быстрее и быстрее замахала своими фиолетовыми крылышками.

Теперь над ромашками, шиповником и лягушонком кружились две бабочки — красная и ярко-фиолетовая. Они полетели далеко-далеко, прямо в небо.

Ветерок был непослушным, как соседский щенок. Он с таким же юным и хулиганистым сквознячком часто устраивал всякие не злые шалости. А теперь они увидели, что шалость получилась злой, — и приутихли.

Пришла мама, увидела грязь на занавеске, не увидела фиалку и посмотрела на грязные руки дочки. Занавеску долго стирали в тёплой воде с пеной. Мама повесила её сушиться на верёвку, протянутую между двумя деревьями вишни.

Прищепки были самых разных цветов: две зелёных, одна синяя, три красных и одна — самого настоящего деревянного цвета.

Ветерок и сквознячок решили утешить занавеску. Они стали её раскачивать в разные стороны. Она взлетала всё выше и выше. Ей это понравилось. На её белое просторное крыло сели две бабочки — красная и фиолетовая.

Сквознячок с ветерком старались изо всех сил. Они набирали в свои щёки самые большие глотки свежего синего неба. И дули на занавеску с разных сторон — кто сильнее.

Прищепкам это очень понравилось. Они так развеселились, что от радости и хохота раскрыли свои разноцветные клювики.

И занавеска взлетела высоко-высоко и превратилась в белоснежную огромную птицу, а прищепки — в маленьких и весёлых птичек. Они полетели высоко в небо вслед за белой

птицей — две зелёных, одна синяя, три красных и одна серебряно-деревянная, очень похожая на обыкновенного воробья.

Всё это увидели девочка, ромашка, шиповник, лягушонок, лопоухий щенок и две бабочки — красная и фиолетовая.

Дом смотрел со своей высоты на девочку, на вишнёвые деревья, на маму, стирающую во дворе, на разноцветные прищепки, которые мама повесила себе на шею, на старинную занавеску, которой он посвящал свои самые заветные сны, — и ждал чего-то необыкновенного…

Дом был не таким уж и старым, чтобы не замечать всё происходящее. Он внимательно смотрел по сторонам и видел, как летают вдогонку друг за другом ветерок и сквознячок. Дом даже иногда специально открывал свою скрипучую дверь, чтобы проветриться, и разрешал немного поиграть им у себя внутри.

Взлетали к потолку газеты. Люди бегали за ними и собирали их в самых неожиданных местах. Девочка смеялась от восторга, когда мама хлопала в ладоши, подпрыгивала и ловила, как бабочек, письма над столом.

Случай с фиалкой очень огорчил дом. Ему хотелось чуда. Но он увидел волшебное превращение фиалки, и это ему понравилось. Он стал ожидать следующее.

И тут в небо вспорхнули маленькие весёлые разноцветные птицы. Они кружились и догоняли друг друга. И две прекрасные бабочки— красная и фиолетовая — то раскрывали, то закрывали свои прекрасные крылышки. Они своими крылышками аплодировали новому чуду.

Над домом взлетела волшебная белая птица. Она помахала всем на прощание своим кружевным крылом. И скрылась за деревьями.

Вот и лето пришло…

ВСЁ ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

смешной цвет, в мелкую солнечную крапинку

Ну вот… Никого нет рядом? Значит, можно? Ух и здорово же вот так смотреть на мир!..

… Вот соседка баба Прыся идёт вверх ногами и несёт воду на коромысле. А вода льётся из ведра не вниз, а вверх. Не кап-кап, а брызг-брызг, как фонтанчик, — вверх, в землю, что наверху, а на земле травка зеленая. А небо — внизу.

Птицы летят по нижнему голубому небу с облаками, а земля всё равно — вверху… И по ней тихо-тихо идёт коза Любка вверх ногами и крадётся кошка Мурка тоже вверх ногами, и не падают… А потом Мурка прыгает не вверх, а вниз за воробьём, а тот тоже летит кверху лапками вниз и ещё ниже и улетает в нижнее небо-землю!..

Ура! И солнце светит снизу вверх, и деревья растут головами вниз. Вот это да!

Ой! Да кто это по попе меня шлёпнул? Конечно, это бабушка Фрося, потому что совсем не больно… Только опять она меня, опять почему-то ругает…

— Опять она стоит вниз головою!.. Да чтой это за девчонка! Да чтой это за выходки! Ну где это видано, чтобы девочки стояли кверху задом, головой вниз?! Только отойдёшь от неё, а она уже кверху жопкой согнулась… Вот не говорю, не говорю родителям, а тут вот скажу.

— Ничего ты не понимаешь, бабушка Фрося! Вот сама бы нагнулась и посмотрела, как смешно становится. Все ходят вверх ногами и вниз головой.

— Да не нагнусь уже я… Старая я. Спина не гнётся. А у тебя голова так отвалится. Болеть будет.

— Не отвалится голова. И болеть не будет. Бабушка Фрося, ну хоть немного наклонись, посмотри…

И вдруг бабушка Фрося огляделась вокруг во дворе — не видит ли кто — и наклонилась головой до самой земли и посмотрела так же, как я, на небо и землю. И охнула. И стала, кряхтя, разгибаться.

— Ох, горе мне с тобой. Совсем смалилась я с тобою. Кто посмотрит, так скажет, совсем бабка дурой стала, кверху задом стоит… А и правда твоя… Смешно смотреть снизу вверх. Ох, дитятко ты моё!.. Молчи уж, не говори маме с папой, что и я с тобой так смотрела.

И бабушка почему-то засмеялась, но в глазах её были слёзки. Она вытерла их кончиком своего беленького платочка. И повела меня в огород — моркву рвать.

А потом мы с ней пили рыбий жир.

Я сначала не любила его, а бабушка Фрося меня научила закусывать его кусочком селёдки и чёрным хлебушком, — и мне это даже понравилось.

И меня мама и папа за это хвалили. Потому что — полезно, говорят. Ну почему всё, что полезно, всегда — невкусно?

БЕЛЯНСКАЯ УЛИЦА

светло-голубой цвет — свежепобелённые стены хат

На нашей улице только три кирпичных дома. Один — милиция, второй — суд, а третий — библиотека. Я помню, как сходила с мамой первый раз в библиотеку. Мне там дали читать книжку про репку. А пока тётя что-то писала, я уже про эту репку прочитала. Но мне было стыдно сказать, что мне нужно другую книжку. И я заплакала.

Тётя-библиотекарь спросила, почему я плачу. Я ответила, что мне нужно другую, что эту уже прочитала, и тем более я про репку сказку очень давно наизусть помню. Тётя подумала, что я это говорю, потому что все картинки посмотрела. Так дети говорят — картинки посмотрят, а говорят, что — читают. Она дала мне другую книгу с цветными картинками, про колобка. И я прочитала ей эту сказку вслух громко и быстро.

И тётя стала говорить маме, что других книжек для моего возраста у них нет, что они держат такие книжки, чтобы дети не отвлекали родителей и что меня нужно повести не во взрослую, а в детскую библиотеку и выбирать там мне книжки не по возрасту, а по уму.

А ещё огромный кирпичный дом — это мамина и папина школа. Школа большая. Раньше там был даже второй этаж, но во время войны этот второй этаж сгорел. В школе много классов. И очень длинный и очень тёмный коридор, это если двери в классы закрыты. Есть там ещё очень интересная комната — учительская. Сюда приходят отдохнуть учителя, когда перемена. И сюда вызывают учеников, которые плохо себя ведут. И с ними строго разговаривают учителя и директор.

Там на столе стоит глобус — это наша как будто бы Земля, а в углу притаился мой знакомый учебный человеческий скелет — дядя Вася. Его показывают ученикам на уроках. Его они изучают, как сказал папа. На Васе старая фуражка, а в зубах папироса — так его учителя нарядили. Я Васю не боюсь. Я его беру за костлявую руку и здороваюсь с ним. Я вообще не боюсь ничего, кроме темноты, — ничего.

Вот я захожу в школу. Там тихо-тихо. Идут уроки. Открываю дверь, за которой слышу мамин голос и тихонько пробираюсь к чёрной парте — к маминым ученицам Нине и Марусе. На школьной доске огромная карта, по которой мама водит указкой и рассказывает ученикам про царя Петра Первого. А когда ученики поднимают руки, чтобы отвечать, я тоже тяну руку. Наконец мама и меня спрашивает. А я говорю, что царь-государь жил-был в тридевятом царстве-государстве, и у него было три сына, а младший был Иван-дурак…

Ученики смеются, а мама строго говорит, что всё это не из той оперы. А я и не понимаю, что она сказала.

Мама строго так и говорит:

— Ну вот, всем вам пример — когда не знаешь чего-то, можно сказать глупость…

Строгая у нас всё-таки мама. Она и дома такая же строгая. А папа дома с нами играет во всякие игры — со мной рисует, играет в шахматы, и даже в карты с Валеркой — в «дурака»… А мама на него сердится за это, говорит: «непе-да-го-гич-но…».

А в учительской, когда мама рассказала учителям, как я влезла в процесс урока, одна учительница старенькая сказала, что зря я не пошла к ней на урок ли-те-ра-ту-ры — там как раз сказки проходят.

Папа, который в это время вошёл в учительскую, спросил, как это я очутилась в школе, и как я переходила дорогу, и у кого я просила разрешения. И попросил, чтобы я больше не заходила в класс и не мешала маме и никому.

… А я вовсе не переходила улицу. Просто напротив нашей хаты, через дорогу, была милиция, а в милиции работал мой лучший друг дядя Сеня. Он конюх. А в конюшне у лошадки Рыжки родился жеребёночек, и дядя Сеня пришёл к нам с бабушкой и позвал меня, чтобы показать мне его. Я смотрела на жеребёночка и любовалась им. Рыжка фыркала на нас, она сердилась.

А потом я сказала дяде Сене, что иду домой. Через дорогу на нашей улице можно было ходить, потому что по дороге ездили только на лошадках, и когда кто-то переходил через дорогу, они останавливались, а машины почти не ездили. Но мне всё равно не разрешали этого делать… Дядя Сеня этого не знал. А я решила удивить маму и папу — и пошла по той стороне, где милиция и школа, и пришла в папину-мамину школу.

… Когда мамины ученицы привели меня домой, бабушка плакала и ругала дядю Сеню. Бабушка шлёпнула меня по попе, а дядя Сеня сказал, что не будет со мной дружить, потому что я его обманула…

Я ушла в комнату, села у окна и стала плакать. Плакала-плакала, и от этого плача у меня почему-то получилось, что все обижают меня. И никому я не нужна…

И я стала себя жалеть примерно так: вот я умру, и меня положат в гробик, все соседи соберутся и будут плакать. И мама будет плакать, и Валерка, и папа, и бабушка Надя, и бабушка Фрося, и тётя Дуня, и Вера, и соседка баба Прыся, и соседский дедушка Митя, и мой друг дядя Сеня. И будут говорить, что такая хорошая девочка умерла, и читать уже умела, и рисовать, и слушалась, и хоть плохо ела, но всё равно она была хорошей. И буду я лежать в гробике в своём любимом голубом платье с синими цветочками. И ещё нужно, чтобы куклу мне положили и карандаши. И придут мамины и папины ученики и тоже будут плакать и говорить, что зря мне не разрешали ходить в школу. И учителя придут и тоже будут плакать. И дядя Сеня будет плакать. А жеребёночек один будет скакать около своей мамы лошадки…

Вот никто меня не любит,
Всё ругают и ругают,
И никто не пожалеет,
И по попе только бьют.
А когда умру, все люди скажут,
Что вот зря меня ругали,
Что, конечно, все любили,
И вот зря, что умерла…

Вдруг я услышала, как кто-то плачет за дверью. Это бабушка моя Фрося услышала, как я вою-пою у окна и залилась горючими слезами:

— Ой, горе мне, горе, обидела ребёнка… Ни за что ни про что.

А я опять причитаю:

Жеребёночек, жеребёночек!
Не приду я к тебе,
не поглажу тебя,
и Валерка меня дразнит,
и мама ругает,
и папа из школы своей прогоняет…

Одна только бабушка любит меня,
и только она пожалеет меня,
и не даст моя бабушка мне умереть…

— Ой, довели ребёнка! Я вам всем дам! Иди ко мне, моя деточка. Давай-ка я тебе сказку доскажу про Марка Богатого.

А деточке только этого и надо. Села, уткнулась к бабушке в грудь и слушаю сказку…

— Ты ж хоть помнишь, на чём я остановилась тогда?

— Помню. Купец принёс ребёночка, что в сугробе нашёл, домой, а жена ему тоже сына родила. Ты ещё сказала: тут и обмер купец. Это как — обмер? Умер?

— Да нет. Остолбенел.

— А как это?

— От удивления. Застыл на месте.

— Это как в игре «замри-отомри»?

— Почти что…

— А-а… Ну, рассказывай дальше… Обмер купец и что?..

— Ну, слушай.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СКАЗКИ

ласковый бабушкифросин цвет —
лучший цвет моего детства…

… Да, тут и обмер купец… Что делать ему бедному? Показал он жене своей найдёныша, а жена плачет, не хочет на чужого смотреть, к своему тянется.

Отдал купец нянькам-мамкам дитятко найденное с наказом, чтоб пуще глаз берегли его. Назвал купец мальчонку Марком. А своего — Егорием.

Растут детишки не по дням, а по часам. Радуют отца. А мать на чужого посматривает, губы поджимает — всё ей кажется, что чужой сильнее родного да краше, да милее. А признаться в этом даже себе не может. И взяла её грусть-тоска-кручина, не может она вынести, что у Марко всё лучше получается, чем у Егория.

Вот уже по семи лет им стало. Один краше другого. И друг без друга и минутки не могут. И стала мать просить купца отвезти с глаз долой Марко из дома. Хоть в монастырь, хоть в учение куда. А купец не хочет, жалко ему своего названого сына. Да делать нечего.

Сел купец на коня доброго и поехал во чисто поле. А там камень-горюч стоит, а на камне написано: направо пойдёшь — коня потеряешь, налево пойдёшь — в монастырь придёшь, прямо пойдёшь — смерть найдёшь. Призадумался купец. Куда ему идти?

Решил поехать налево, в монастырь. Приехал в монастырь, пришёл к старому монаху и спрашивает, как ему быть с сыновьями. А тот отвечает:

— Привози сюда сыновей обоих. Пусть они здесь поживут, Богу помолятся, ума-разума наберутся.

— А как же жена моя? Она же от тоски умрёт.

— А ты сними с неё золотой крестильный крестик, надень его на шею Егория. А ей повесь вот этот.

И старец дал купцу маленький крестик на чёрном гайтане:

— Будет на ней этот святой крест — она забудет печаль свою.

— А как же с Марком? Какая у него судьба будет? Как дальше ему жить?

— А сыну твоему названому много испытаний будет. Но Бог его будет хранить для дела святого. А Егорий будет тебе помощником в доме. Не будет тебе покоя на этом свете, пока Божья воля не исполнится.

— Как же быть мне, старец? Люблю я своих сыновей больше жизни.

— Не печалься. Положись на волю Божью. Как Он повелит, так и станется.

Приехал купец домой и говорит жене:

— Повезу я, жена моя милая, сыновей в монастырь. Пусть там уму-разуму наберутся да Богу помолятся.

— Не отпущу я Егория! Пусть один Марко едет. Я с тоски умру по своему сыну родимому.

— Нет, жена, оба поедут. Так Бог велит. Ты не печалься, сними свой крестик крестильный, повесь Егорию на шею. А это вот тебе крест святой благословенный из монастыря.

Снял он с материнской шеи крестик и повесил на сыновью шею, а ей — крест из монастыря. И — чудо. Засмеялась жена, зарадовалась. Стала собирать обоих сыновей в путь-дорогу. И не только Егория ласкает-целует, но и Марко по головке гладит, жалеет его, как своё дитятко рожоное.

Смотрит купец на это, а на сердце печаль. Грустно ему, знает он то, что старец говорил. Да что поделаешь? На всё воля Божья.

Отвёз купец сыновей в монастырь.

И вот прошло десять долгих лет. В семье купца мир да лад. Жена хоть и помнит о детях, да не тоскует по ним, только ждёт да подарки им готовит. Рубашки шёлком шьёт, да шапки молодецкие соболиными мехами украшает.

Дождались они детей своих в дом. Приехали сыновья — один другого краше. Мать на них не нарадуется.

А купец печалится. Помнит он голубя белого, что весть ему принёс восемнадцать лет назад.

Устроил купец пир в честь сыновей своих. Пируют гости да друзья верные. Один только Марко не есть, не пьёт, печалится. Спрашивает его купец:

— Ты чего это, сын мой дорогой, печалишься?

— Есть у меня, отец, печаль горючая. Приказал мне старец передать тебе, что ехать мне надобно в путь-дорогу дальнюю, чтобы привезть тебе из Царь-града икону с ликом Богородицы в золотой оправе. А для чего — не знаю. Сказал он, что это один Господь Бог знает-ведает.

— Что ж, сын мой милый, езжай. Авось, всё будет по воле Божьей…

Собрали они с женой Марко в путь, дали ему коня верного, наказ родительский — возвращаться скорее из Царь-града.

А сын их, Егорий, стал отцу помощником в деле купецком. Ездил с отцом по городам на ярманки, помогал ему товар продавать. И везде у них удача была. Да ещё радость ему была — полюбил Егорий Марьюшку, дочь боярина Матвея. Просил он батюшку сосватать ему невесту, да купец дал год отсрочки, дескать, братца надобно дождаться.

Вот и ждёт Егорий приезда брата Марко, скучает по брату названому да по невесте тоскует.

... Едет Марко к Царь-граду, а всё никак не доедет. Всё ему в помеху: то леса дремучие, то горы горючие, то море-окиян… И вот уже вдали показались купола святые, огнём на солнце горящие.

И тут, откуда ни возьмись, стоит на кургане человек серебряный, на одной ноге вертится, плачет горючими слезами и спрашивает у Марко:

— Куда ты, добрый человек, путь-дорогу держишь?

Отвечает ему Марко:

— Иду я в Царь-град, в тайный монастырь за иконой с ликом Богородицы для батюшки моего.

— Просьба есть у меня к тебе, мил человек. Прошу, исполни её.

— Говори, что за просьба. Если смогу, исполню…

— Найди там монаха с горбом, спроси его, сколь долго мне вот так на одной ноге мотаться-мучиться? Спроси, что прикажет делать мне. Передай, как будешь возвращаться.

— Хорошо, добрый человек, исполню твою просьбу.

— Эй, добрый молодец, ты к монастырю осторожно иди. Там стража великая, никого не пускает. Но я знаю, как тебе пройти туда. Ты подойди и брось шапку под ноги стражникам. Сам увидишь, что будет.

— Спасибо тебе, добрый человек, на добром слове!

Едет дальше Марко. А впереди река — берегов не видать. А на берегу у лодки перевозчик. Подошёл к нему Марко, попросил перевезти на тот берег. А тот и спрашивает:

— Куда путь-дорогу держишь?

— В Царь-град, в тайный монастырь, за иконой Богородицы.

— И не боишься?

— Да пока не боюсь. А там видно будет.

— Ну, вижу я, смел ты, сокол ясный. Перевезу тебя. Да только просьбу мою заветную, прошу, выполни.

— Выполню, если смогу.

— Как увидишь в монастыре монаха горбатого, спроси у него, долго ли мне ещё на перевозе быть?

— Спрошу, не забуду. А ты коня моего верного посторожи, пока вернусь.

— Да не забудь, когда стражу увидишь, рукавицу им свою брось.

Перевёз перевозчик Марко через реку, счастья-удачи ему пожелал.

Едет Марко дальше.

А навстречу ему идёт старенький старичок. Бедный, с нищенской сумой. Подошёл к нему Марко, поклонился и отдал старику всё, что было у него в его подорожной сумке: и еду, и денег немало, и рубаху, матерью вышитую.

И сказал ему старик такие слова:

— Хотел я у тебя, Марко, попросить в монастыре выполнить просьбу мою заветную, да не буду. Сам выполнишь, как возвращаться будешь…

— А откуда ты, отче, имя моё знаешь?

— Я всё знаю. Иди вперёд. Не сворачивай. Как увидишь стражу, брось им кафтан свой дорожный. Иди. Поспешай.

— Бабушка Фрося, а что такое «поспешай»?

— Это значит — иди скорее. А ты, когда захочешь в школу сходить, ты мне говори, я хоть через дорогу переведу али кого попрошу…

— Хорошо, бабушка Фрося!.. Я скажу.

— Устала я чтой-то. Потом ещё расскажу. Иди, поиграй. Или порисуй что. А я полежу немножко.

— Ложись, ложись, бабушка. Я буквы буду писать. Дай мне листики и карандашик.

Ночью мне приснился скелет Вася. Он стоял в глубокой пещере на одной ноге и крутился. А за ним горел большой огонь, — когда много дров и угля в печке. А мы как будто идём с бабушкой Фросей мимо, а скелет начал как будто звать нас к себе — манит нас своей костлявой рукой. Мы не хотим идти к нему, а он всё равно зовёт и зовёт.

А потом вдруг как покажет на бабушку пальцем — и засмеялся так страшно: «Вот она!..» Я закричала во сне. Бабушка подошла ко мне и начала успокаивать. Я ей рассказала свой сон. Бабушка почему-то заплакала и сказала: «Сон вещий…»

А мне уже потом неприятно было смотреть в учительской на этот учебный скелет. И я сказала папе, что я его не боюсь, но что он мне ночью так страшно приснился. И его убрали из учительской просто в класс и закрыли его в шкаф на ключ, чтобы ученики не поломали.

Теперь я хожу иногда в школу к маме на уроки, но всегда перед этим спрашиваюсь у бабушки. А говорю, что я хочу в школу, чтобы бабушка от меня отдохнула. И мама с папой меня за это не ругают.

К папе на уроки я заходить боюсь. Он ведь у меня строгий. Его взрослые ученики боятся, потому что он завуч. Они боятся его больше, чем директора, хотя тот кричит на них, а папа говорит очень спокойно и тихо. Я не хочу подводить его непослушанием. Но я иногда стою под дверью и слушаю, как он рассказывает ученикам про поэта Александра Сергеевича Пушкина и про поэта Владимира Владимировича Маяковского.

Он читает ученикам стихи. Мне очень нравится, как папа читает стихи. Он их много знает наизусть, он их де-кла-ми-ру-ет, он не читает их по книжке.

Я люблю, когда папа читает стихи.